

Нагорная Александра Викторовна

ИНДИВИДУАЛЬНО-ИДИОЛЕКТАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВАРЯ ВНУТРИТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. КИНГА)

В данной статье рассматривается проблема становления и развития индивидуального словаря внутрителесных, или интероцептивных, ощущений и эксплицируется содержание понятия "интероцептивный идиолект". На материале произведений С. Кинга автор прослеживает основные пути развития интероцептивного идиолекта, соотнося его с конвенциональным интероцептивным словарем, предлагаемым современной англоязычной лингвокультурой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 138-144. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

6. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
7. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа.: Китап, 1996. 368 с.
8. Котвич В. И. Исследования по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 372 с.
9. Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имени действия в тюркских языках // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960. 350 с.
10. Кулиев А. А. Неличные формы глагола в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнении с азербайджанским языком): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1978. 27 с.
11. Магтымгулы. Сайланан эсерлер. Ашхабад, 1959. 386 с.
12. Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900. 207 с.
13. Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. М.: Наука, 1974. 101 с.
14. Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964. 298 с.
15. Сейтэков Б. Гыз салгыды. Ашхабад, 1962. 248 с.
16. Серебrenников Б. А. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках // Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. М., 1967. С. 30–32.
17. Серебrenников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис. Баку, 1979. 284 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
19. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.
20. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык: фонетика и морфология. Якутск, 1947. Ч. 1. 312 с.
21. Шерванидзе И. Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 133 с.
22. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. М.: Изд-во АН СССР, 1981. 184 с.
23. Böhlingk O. Über die Sprache der Yakuten: Grammatik: Text und Wörterbuch. SPb., 1851.
24. Dəmirçizadə Ə. Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarının dili (təkrar nəşr). Bakı: Elm, 1999. 140 s.
25. Ediskun H. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1963. 413 s.
26. Əlizadə S. Orta əsrlərdə Azərbaycan yazı dili. Bakı: ADU – nun nəşri, 1985. 250 s.

ON COMPARATIVE-HISTORICAL RESEARCH OF SEMANTIC-MORPHOLOGICAL FEATURES OF PARTICIPIAL FORM ENDING IN *-dik⁴* IN MODERN TURKIC LANGUAGES

Meshadieva Ainel' Enver kyzy, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Institute of Linguistics named after Nasimi of Azerbaijan National Academy of Sciences
meshadiyevaaynel@mail.ru

The author conducts the comparative-historical analysis of participial form ending in *dik⁴* by the material of both modern Turkic languages and their dialects and sub-dialects, and in the ancient period, mentions that currently a number of questions regarding the morphological-semantic features and basic functions of participial form ending in *-dik⁴* in Turkic languages have not received thorough coverage in the study of Turkic languages; in the process of comparative-historical research reveals similar and distinctive features, as well as different phonetic variants of participial form ending in *-dik⁴* in modern Turkic languages, and also considers its etymology.

Key words and phrases: participial form ending in *-dik⁴*; etymology; comparative-historical research; modern Turkic languages; dialects; ancient Turkic period; similar and distinctive features.

УДК 811.111-26

Филологические науки

В данной статье рассматривается проблема становления и развития индивидуального словаря внутрителесных, или интероцептивных, ощущений и эксплицируется содержание понятия «интероцептивный идиолект». На материале произведений С. Кинга автор прослеживает основные пути развития интероцептивного идиолекта, соотнося его с конвенциональным интероцептивным словарем, предлагаемым современной англоязычной лингвокультурой.

Ключевые слова и фразы: интероцептивное ощущение; экспериенцер; вербализация; конвенциональный интероцептивный словарь; идиолект; метафора.

Нагорная Александра Викторовна, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет
alnag@mail.ru

ИНДИВИДУАЛЬНО-ИДИОЛЕКТАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВАРЯ ВНУТРИТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. КИНГА)[©]

Внутрителесные, или интероцептивные, ощущения представляют собой весьма «неудобный» объект номинации. Их «негостеприимность по отношению к языку» [10] отмечается всеми без исключения исследователями

и связывается с их специфическими феноменологическими свойствами (см., например, [5; 7]). Перманентный характер их восприятия, а также лабильность и неконтролируемость приводят к тому, что интероцептивные ощущения слабо схватываются сознанием и, не оформляясь в полноценный объект познания, с трудом выводятся в речь. Важным представляется и то обстоятельство, что способность к восприятию, дифференциации и вербализации внутрителесных ощущений обнаруживает выраженную зависимость от индивидуальных физиологических и психологических особенностей экспериенцера. В их число входят возраст и пол, тип телосложения, индивидуальный телесный (в том числе болевой) опыт, система специфических «телесных» установок аксиологического плана, тип когнитивного стиля (см. [8]) и множество других. Вполне правомерной представляется и постановка вопроса о специфических индивидуальных «интероцептивных способностях» [13], проявляющихся в более или менее развитом умении дифференцировать «события, происходящие в мире тела» [12, р. 11] и артикулировать собственный внутрителесный опыт. Полное отсутствие таких считается патологией и обозначается в научной литературе термином алекситимия.

Следует отметить, однако, что культурно-лингвистическая среда, в которой существует типичный представитель западного общества, мало способствует формированию и развитию интероцептивных способностей. Интерес к внутреннему телу в целом не поощряется культурой (см., например, [4]), а предлагаемый репертуар готовых языковых средств скуден и не позволяет с высокой степенью точности и детализации описывать актуальный внутрителесный опыт. Потребность в более точных средствах вербализации вынуждает экспериенцера расширять и модифицировать конвенциональный интероцептивный словарь, а также предлагать собственные словесные формулировки. Продуктом этой сложной когнитивной и языковой деятельности становится некий относительно устойчивый набор языковых средств, которые в совокупности формируют интероцептивный идиолект. С лингвистической точки зрения чрезвычайно интересным представляется вопрос о том, каковы механизмы формирования интероцептивного идиолекта, и каким образом он соотносится с конвенциональным интероцептивным словарем, предлагаемым лингвокультурой экспериенцера. Кроме того, теоретически возможно выявление границ словотворчества, выход за пределы которых приводит к коммуникативной неудаче. Поясним: по мнению многих исследователей, субъективный характер внутрителесного опыта и принципиальная невозможность его верификации предоставляют экспериенцеру неограниченное количество степеней свободы в его когнитивной интерпретации. Мы, однако, склонны полагать, что эта свобода относительна, и индивидуальное интероцептивное словотворчество находится в границах тех общих концептуальных ориентиров, которые предлагает (и отчасти навязывает) экспериенцеру определенное лингвокультурное сообщество (см. [Там же]).

Наиболее перспективным материалом для изучения данного вопроса представляются нам произведения современной художественной литературы, в «глобальном тексте» [1, с. 109] которых в той или иной мере отражен мир внутрителесных ощущений. Возможность и правомерность использования художественных произведений для изучения общих закономерностей развития индивидуально-идиолектальных практик были рассмотрены и обоснованы в [Там же, с. 120]. Авторы указанного произведения особо подчеркивают системный характер языковых модификаций, обнаруживаемых в индивидуально-идиолектальных практиках: «Велико искушение рассматривать “отборы”, “отклонения” или “дополнения”, в которых универсалии затрагиваются индивидуальными или коллективными культурами, как изолированные операции, возникающие исключительно по инициативе субъекта высказывания, и затем составлять их список, относящийся непосредственно на счет операций практики высказывания. Оказывается, что, возможно в силу того, что они включают в себя понятие “языка”, все эти особенности составляют систему, которая, будучи один раз составленной, получает право на существование, независимое от высказывания: эти особенности реализуемы – виртуализированы или актуализированы, – а не реализованы» [Там же, с. 97].

Для написания данной статьи было предпринято небольшое исследование, материалом для которого послужили произведения С. Кинга. Выбор автора неслучаен. С. Кинг представляется нам одним из наиболее «соматичных» писателей, тонко чувствующих жизнь тела и способных передавать в слове тончайшие оттенки внутрителесных ощущений. Особая словесная центрация на соматических проявлениях объясняется, в первую очередь, спецификой жанра хоррор, в котором работает писатель.

Хоррор называют самым «физиологическим» из всех литературных и кинематографических жанров, за исключением разве что порнографии [9, р. 4]. Его физиологичность заключается в многообразной и многоаспектной адресации к человеческому телу. С одной стороны, хоррор вскрывает самые потаенные и неприглядные стороны его жизни, эксплицируя их в слове (литература) или зрительном образе (кинематограф). Хоррор игнорирует свойственное западной культуре табу на созерцание мертвого тела (см. Ф. Арьес, М. Фуко, Ж. Бодрийяр), минимизируя дистанцию между жизнью и смертью и дискурсивно восстанавливая сложный континуум телесных состояний от плоти живой через плоть страдающую к плоти мертвой. С другой стороны, качественный, высокохудожественный хоррор – это всегда «письмо от тела», описание опыта общения с окружающим миром через призму испытываемых в ходе этого общения телесных состояний. Писатель, как пишет Л. Бэдли, выступает как своеобразный «массмедиаальный шаман»; он текстуализирует слуховые, зрительные и кинестетические ощущения, повествуя о них словами, которые читатель воспринимает висцерально [Ibidem, р. 1]. Тем самым хоррор возвращает нас к дорациональным, соматическим модулям познания, о которых все более активно пишут современные нейрологи, и о существовании которых интуитивно знают «интероцептивно одаренные» индивидуумы. Это особое интуитивное знание пронизывает многие произведения Кинга, непосредственно эксплицируясь в приведенной ниже цитате:

It came home to him in a visceral way then, knocking him clean out of his own body [16, p. 60].

Персонажи С. Кинга воспринимают мир способом, который в работах современных философов описывается термином «энактивация» [6, с. 49]; они действительно вдействованы в окружающую среду, являясь подтверждением известного тезиса М. Мерло-Понти о том, что «воспринимать – это делать присутствующим что-либо с помощью тела» [3, с. 17]. Человеческое тело у Кинга всегда живет в резонансе с окружающим миром и реагирует на происходящие в нем события:

The crowd lurched and swayed deliriously toward him, and Johnny felt an answering lurch in his own guts [23, p. 302].

Внутреннее тело предстает в произведениях Кинга как динамичная, постоянно меняющаяся структура, где ничто не постоянно и не может восприниматься как раз и навсегда данное. Одним из излюбленных приемов описания некоторого генерализованного, органа-неспецифичного интероцептивного ощущения является метафора опустошения, использование которой нехарактерно для английского языка в целом:

“What – I don’t – “But suddenly he did, and his entire midsection first seemed to turn hollow and then to entirely disappear [20, p. 31].

Лишенное своего исходного, естественного содержимого, тело превращается в пустой контейнер, который, сохраняя внешний вид, приобретает новое, порой самое неожиданное наполнение:

He’s had a blinding headache. It was draining away now, leaving him feeling strangely hollow inside. He felt a little as if his legitimate innards had been scooped out and replaced with Reddi Wip [23, p. 307].

Now fear came, entering softly, sifting through the hollow places of his body and filling them up with dirty smoke [22, p. 85].

Интероцептивное ощущение может описываться и как полная субстанциональная трансформация тела, затрагивающая его как внутренне, так и внешне:

He felt as if all his body had turned to glass [18, p. 443].

Чаще, однако, ощущение, описываемое по метафорической модели трансформации, имеет более локальный характер и охватывает лишь определенные фрагменты внутреннего тела, которые претерпевают текстурные, температурные, структурные и другие изменения:

A hideous mewling sound now arose, and for a moment all of Jud’s bones turned to white ice [22, p. 380].

He tried to get to his feet on legs that had gone to water <...> [Ibidem].

Следует оговориться, что данный прием не является в строгом смысле этого слова авторским нововведением, поскольку он активно используется и другими писателями. Новаторство Кинга лежит в несколько иной плоскости. С одной стороны, он расширяет репертуар лексических средств в рамках традиционно используемых в языке тематических групп «природные элементы / стихии» (*water, ice, fire*) и «химические элементы» (*lead*). Ср.:

<...> *the strength slips from her legs. They turn to sand and she sits on the bed, the towel falling off her, her wet bottom damping the sheet beneath her* [19, p. 375].

<his knee> *locked again, turning to something that felt like pig-iron* <...> [16, p. 159].

С другой стороны, он создает свежие, нетрадиционные образы, привлекая единицы из принципиально иных семантических групп:

All of his muscles seemed to have turned to macaroni [18, p. 477].

При описании сферы интероцептивных ощущений С. Кинг успешно работает со всеми метафорическими моделями внутреннего тела, релевантными для современной западной, в том числе и англоязычной, культуры. Такое свободное альтернирование когнитивных моделей тела характерно, по нашим наблюдениям, лишь для интероцептивного идиолекта Кинга, поскольку другие писатели чаще демонстрируют выраженную приверженность лишь одной модели. Так, например, К. Кизи (*One Flew Over the Cuckoo’s Nest*) описывает все внутрителесные состояния и ощущения по модели «тело-машина», авторы автопатобиографий и текстов медицинской тематики в целом выказывают явное предпочтение модели «тело-крепость» и т.п. Кинг, даже в рамках одного произведения и при описании одного персонажа, может оперировать разными моделями, не создавая при этом ощущения стилистической и концептуальной какофонии. Ср.:

«тело – дом»: *The words were there, but they were all blocked up. Absurd or not, Monette had a sudden image of a clogged toilet* [19, p. 389]. *Frank Jewett felt a horrible sinking sensation in the pit of his belly. It felt like an elevator out of control* [21, p. 486].

«тело – крепость»: *cancer is “a horrible new invader”* [24, p. 57].

«тело – машина»: *They intend to remove Howard Cottrell’s heart and see if it blew a piston or threw a rod* [17, p. 4]. *Her fingers were like the pincers of some machine which had frozen solid for lack of oil* [21, p. 246].

«тело – государство»: развернутая метафора слаженно работающего коллектива при описании процессов метаболизма в рассказе *Stationary Bike*: “<...> *It helps at this point to think of the metabolic processes as a work-crew. Men in chinos and Doc Martens* <...> *Their job is to grab the stuff you send down the chute and dispose of it. Some they send on to the various production departments. The rest they burn* <...>” [19, p. 170].

«тело – компаньон»: *When it was like this, she was never sure what she would do or would not be able to do with her traitor hands* <...> [21, p. 48].

«тело – биологический организм»: *You got yourself a great big old tumor inside you someplace, all black and juicy, sort of a rotted human toadstool down there in your guts, sucking you dry?* [24, p. 59].

Сознательно или неосознанно альтернируя когнитивную модель внутреннего тела и встраивая в нее описание актуального interoцептивного ощущения, С. Кинг рано или поздно добивается ментального отклика у читателя, который находит определенное описание созвучным своему собственному видению.

Еще одной характерной чертой interoцептивного идиолекта С. Кинга является специфический, «соматоскопический» способ представления эмоционального состояния персонажей. В силу специфики жанра, в котором работает автор, центральное место в ряду описываемых им эмоций принадлежит страху.

Описывая природу и сущность данной эмоции, сам Кинг пишет о том, что страх «ищет то место, где вы, зритель или читатель, живете на самом примитивном уровне», страху «неинтересна цивилизованная оболочка нашего существования» (*the civilized furniture of our lives*) [15, p. 4]. Страх срывает покровы условностей, культурно-поведенческих конвенций и обнажает наиболее древние, примитивные механизмы восприятия и реагирования. Одним из таких механизмов является сложная совокупность вегетативных и моторных процессов, важность которых для переживания эмоций подтверждается данными современной психологии, описывающей эмоцию как сложный психосоматический комплекс (см., например, [2, с. 333-334]).

Сложная психически-телесная природа страха тонко прочувствована С. Кингом и наглядно отражена в его произведениях. Кинг никогда не ограничивается метаязыком страха («он был напуган», «он был в ужасе»); он всегда конкретизирует эмоциональное состояние протагониста указанием на специфические соматические реакции: Ср.:

His eyes were grave and Halleck felt that fear again, like a smooth steel needle, very thin, probing at the lining of his stomach [24, p. 102].

There was no question about the fear now. It was coiling lazily in her stomach like cold water [23, p. 136].

Dim terror in his old bones. It was like spun glass, fine and fragile [22, p. 352].

Примечательно, что название самой эмоции может не эксплицироваться, поскольку описываемый автором соматический комплекс специфичен и с легкостью опознается каждым, кто когда-либо испытывал страх:

He approached the bathroom scales, his heart thudding so heavily that it made his eyes throb and his head ache [24, p. 97].

His heart set up a large weak clamor in his chest, and he realized that the pie was tipping to the right [Ibidem, p. 301].

Her heart leaped in her chest and began to bang so hard between her ribs that she saw small specks before her eyes, growing and shrinking in time with its beat [22, p. 367].

В произведениях С. Кинга соматическая составляющая оказывается релевантной и при описании других эмоциональных состояний – таких как злость, радость, уныние, отчаяние и т.д. Ср.:

She was terrified... but she could also feel anger buzzing and drilling through her [Ibidem, p. 153].

The thick wine of fury buzzed and coursed in his head [23, p. 172].

<...> exhilaration flared up in him like a shot of coal oil in embers [22, p. 129].

Особый интерес представляет вопрос о том, как именно описываются автором специфические соматические маркеры эмоций, какие речевые приемы для этого используются.

В большинстве ситуаций автор прибегает к описанию interoцептивных ощущений, локализуемых в сердце. Изменение рисунка сердечных сенсаций является вполне объективным соматическим маркером многих эмоций, и специфическая креативность писателя проявляется не в локализации ощущений, а в способах их описания. Конвенциональный словарь сердечных сенсаций достаточно скуден и базируется на общеупотребительных и высокочастотных глаголах с семантикой движения. В его составе могут быть выделены следующие основные группы: 1) описания изменений частоты сердечного ритма через метафору циклического малоамплитудного движения вокруг оси (*beat faster/slower*), метафору бега (*race*) либо посредством единиц, обозначающих резкое движение, сопровождаемое громким звуком (*thump, thud*); 2) описание изменения в локализации сердца во внутрителесном пространстве (*rise, sink, fall*); 3) описание однократных обратимых перемещений сердца по вертикальной оси внутрителесного пространства (*jump, leap*).

С. Кинг активно использует предлагаемые английским языком ресурсы и развивает их, дополняя конвенциональные описания новыми, нетривиальными деталями, позволяющими оживить старые, стертые метафоры:

*His heart was still **beating** like a triphammer* [21, p. 150].

*His heart **leaped** up in his throat like a crazy jack-in-the-box* [22, p. 89].

*Your heart's already **pounding** like a premature burial victim beating his fists on the lid of a coffin* [16, p. 35].

Warren Richardson had not been so badly scared since he was a kid, and his heart took a great, unsteady leap in his chest [23, p. 274].

Кроме того, писатель активно пополняет существующие тематические группы новыми элементами родственной семантики. Так, например, метафора бега получила у Кинга обширное словарное оформление, обогатившись единицами, в норме не используемыми для описания interoцептивных ощущений. Ср.:

<...> his heart jogged in his chest but did not leap <...> [22, p. 150].

His heart broke into a sudden disorganized gallop [24, p. 215].

He was still terribly weak, and every now and then his heart skittered in his chest (like a man who has stepped in something greasy, he thought), but it was gone, just the same <...> [Ibidem, p. 298].

He leaned forward, his heart picking up speed [21, p. 215].

Такая активная словарная экспансия объясняется, как нам представляется, свойственной С. Кингу тенденцией к олицетворению органов внутреннего тела, в том числе и сердца. Наделив сердце субъектной инициативой, Кинг предоставляет ему возможность совершать сложные движения, свойственные живому

существо, и тем самым создает себе простор для словотворчества. Сердце способно не только менять скорость и манеру бега, но и целенаправленно перемещаться по внутрителесному пространству (<...> *heart tried to cram its way up into her throat* [Ibidem, p. 146]), совершать сложные акробатические прыжки (*Brian's heart rose – did more than rise. It soared and did a backover flip* [Ibidem, p. 33]), контролировать собственную работу (*And his disturbed heart seemed to calm down and rediscover something like its old steady beat* <...> [24, p. 203]), вести себя свойственным живым существам образом (*His heart felt like a very small bird which had blundered into his throat and now fluttered there, trapped* [21, p. 34]).

Кинг создает и принципиально новую группу в рамках общей метафоры движения, интерпретируя внутрителесное ощущение как «полет сердца»:

He only walked on, skin cold, mouth hot and arid, heart flying [22, p. 365].

Этот семантический эксперимент следует признать удачным, поскольку несмотря на непривычность используемого автором глагола, ему удалось достаточно точно передать интенсивность и персистирующий характер испытываемого протагонистом ощущения.

Автор прибегает к тем же основным приемам и при описании ноцицептивных (болезненных) ощущений, не связанных с действием определенных эмоций и локализуемых как в сердце, так и в других органах, например, желудке. Ср.:

Myra's stomach rose to somewhere just under her heart and hung there, knotted like a wet rag [21, p. 114].

He hasn't been feeling well; his stomach has been kicking up on him again [Ibidem, p. 234].

Her stomach did another forward roll but this time it didn't stop; it just went on somersaulting over and over and she became aware that she was getting sick [23, p. 35].

Словарь болезненных ощущений, однако, отнюдь не исчерпывается описаниями вышеуказанного типа. Именно эта часть интероцептивного словаря оказывается наиболее проработанной и наиболее креативно переосмысленной в произведениях С. Кинга.

Конвенциональный словарь болезненных ощущений весьма скуден и исчерпывается по сути 35 отглагольными единицами, представленными в известном опроснике боли МакГилла [25, p. 40]. Его скудость ощущается любым экспериментером, который пытается применить готовый инвентарь языковых средств для описания актуального болезненного ощущения. Как пишет Д. Биро, «врачи чувствуют себя неудобно с предлагаемым в опроснике метафорическим языком, а пациентам нужен еще более метафорический язык» [10, p. 13].

Потребность в этом «еще более метафорическом языке» вынуждает экспериментера расширять и модифицировать конвенциональный интероцептивный словарь, а также предлагать собственные словесные формулировки для репрезентации внутрителесного опыта.

С. Кинг мастерски справляется с этой сложной задачей. Одним из наиболее необычных приемов, характерных для интероцептивного идиолекта Кинга, является уподобление одного болевого ощущения другому. Ср.:

Johnny's head was swelling blackly, expanding like a bladder [23, p. 384].

<...> *my head was throbbing like a swollen gum with an abscess in it* [18, p. 519].

Основу для сравнения представляет ощущение, которое в силу своей физиологической специфики знакомо каждому человеку и переживается практически одинаково (дискомфорт от наполненного мочевого пузыря, боль в зубах и деснах и т.п.). Такой дискурсивный прием позволяет «объективировать» ощущение, не подлежащее качественной и количественной оценке, и донести до читателя его субъективно переживаемые свойства.

Одним из наиболее часто используемых Кингом приемов является описание ощущения в терминах проникновения во внутрителесное пространство инородных предметов органической или неорганической природы:

<...> *it felt as if there was a thorn lodged somewhere inside him* [24, p. 117].

After almost twenty hours in the dampness, his legs felt as if someone had studded them with rusty nails [20, p. 265].

The tines of a large chrome fork seemed to be planted deep in her flesh [21, p. 43].

Эти инородные предметы могут находиться во внутреннем теле на протяжении длительного времени, причиняя боль экспериментеру только при определенных условиях:

So he somehow managed to lean over again, awakening rusty bandsaws in his legs as he did so <...> [20, p. 43].

Примечательно, что «вторжение» во внутреннее тело может осуществляться живыми существами. Мы полагаем, что описания подобного рода базируются на общеупотребительной идиоме “*to have butterflies in one's stomach*”, используемой для описания состояния волнения и предвкушения. С. Кинг открывает внутреннее тело для существ гораздо менее безобидных, которые обычно ассоциируются с опасностью и вызывают брезгливость и отвращение:

<...> *now it felt as if a swarm of bees had been loosened in the lower half of his body* [Ibidem, p. 46].

He stared at the figure, feeling a coldly fluttering swirl of moths in his gut [24, p. 67].

С. Кинг активно работает с конвенциональным болевым словарем зооморфной семантики. Он не ограничивается, однако, лаконичными определениями типа *stinging, gnawing, biting*, а обыгрывает исходную метафорическую модель, предлагая яркие, изобилующие деталями образы. Боль у Кинга не просто «грызет», а грызет острыми зубами ласки (*gnawing like sharp weasel's teeth* [21, p. 249]), грызет с новой силой, пытаясь утолить голод (*that old pain was gnawing his bones again, as fresh and as hungry as it had been on the day when...*) [Ibidem, p. 150].

Используя излюбленный прием олицетворения телесных феноменов, С. Кинг активно развивает зооморфную метафору и наделяет боль способностью к вокализации: боль «бормочет», «кричит», «рычит», «огрызается», «ворчит» и т.д.

*The pain began to mutter up and down his legs again, and it was speaking even more loudly from the area of his pelvis – he had been sitting up for nearly an hour, and the dislocation down there was complaining about it [20, p. 67].
Pain – the worst in days – bellowed through his legs, and he screamed [Ibidem, p. 139-140].*

Аналогичным образом обретают голос органы, в которых эта боль локализуется:

The stump was twanging viciously [17, p. 304].

He straightened and his legs cursed him roundly [20, p. 261].

Развернутая зооморфная метафора, эксплицирующая сразу два аспекта животного поведения (аудиальный и кинестетический), представлена в рассказе Айана:

We cut around the medical center <...>, me walking slightly bent over because of the pain, which no longer snarled but still glowered [19, p. 439].

Кинг идет еще дальше, пытается совместить в одном описании принципиально разные метафорические модели:

зооморфную и орудийную: *A spear of hungry pain bolted up her forearm to the elbow [21, p. 48];*

фитоморфную и зооморфную: *His head throbbed like a tomato full of hot, expanding blood [23, p. 376];*

антропоморфную и стихийную: <...> *it might have been the sickness, which was now rolling through her belly in gripping, peristaltic waves [Ibidem, p. 38].*

Такие смелые семантические эксперименты приводят к появлению парадоксальных, катахретических описаний, позволяющих передать в слове разные аспекты испытываемого интероцептивного ощущения (степень его интенсивности, лабильности или устойчивости, особенности его локализации во внутрителесном пространстве и т.п.). Такой прием соответствует феноменологической специфике самого объекта номинации – неуловимости, многомерности и парадоксальности боли (см., например, [14]).

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно представить исчерпывающее описание всех языковых приемов, к которым прибегает С. Кинг при описании сферы интероцептивных ощущений. Мы стремились лишь показать основные тенденции, релевантные для формирования специфического интероцептивного идиолекта автора. Мы показали, что уникальное «висцеральное воображение» [11] писателя репрезентируется на уровне языка с помощью следующих основных приемов:

1) альтернирование различных когнитивных моделей внутреннего тела, существующих в коллективном когнитивном пространстве современного англоязычного социума;

2) олицетворение органов внутреннего тела и происходящих в его среде процессов;

3) оживление старых, стертых метафор посредством экспликации различных компонентов описываемой ситуации, а также использования дополнительных словарных единиц, парадигматически соотносящихся с компонентами конвенциональной метафоры;

4) создание новых тематических групп лексем для наполнения старых метафорических моделей;

5) комбинирование метафорических моделей, создание парадоксальных, оксюморонных по своей сути описаний;

6) описание субъективных, принципиально неизмеримых и неверифицируемых интероцептивных ощущений через сравнение с ощущениями, обладающими большей универсальностью и «физиологической конкретикой».

Точные, высоко детализированные и разнообразные описания внутрителесных состояний и ощущений пробуждают у читателя непосредственный телесный отклик, предоставляя ему возможность «на собственной шкуре» почувствовать то, что происходит с героем повествования. Активизируемый таким образом механизм эмпатии позволяет установить тесный психологический контакт между писателем и читателем и добиться принципиально иного уровня восприятия литературного текста. Это не просто некоторый эстетический опыт сопереживания персонажу, это реальное «вживание» в описываемую ситуацию и ее «проживание», «переживание» – опыт, в котором читатель оказывается задействован не только интеллектуально, но и соматически.

Список литературы

1. Греймас А. Ж., Фонтань Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.
2. Когнитивная психология: учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 608 с.
4. Нагорная А. В. «Интероцептивный дискурс» как продукт социокультурной медиации субъективного телесного опыта // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. М.: Изд. «Международный центр науки и образования», 2012. Часть I. С. 91-97.
5. Рупчев Г. Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на материале соматоморфных расстройств): дисс. ... канд. псих. наук. М., 2001. 128 с.
6. Телесность как эпистемологический феномен. М.: ИФРАН, 2009. 231 с.
7. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
8. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002. 304 с.
9. Badley L. Writing Horror and the Body. The Fiction of Stephen King, Clive Barker, and Anne Rice. USA: Greenwood Press, 1996. 184 p.
10. Biro D. Listening to Pain. Finding Words, Compassion, and Relief. N. Y.: W. W. Norton & Company, Inc., 2010. 256 p.
11. Collins M. R. Stephen King as Richard Bachman. N. Y.: Starmont House, 2011. 208 p.
12. Fisher S. Body Consciousness. London: Calder and Boyars, 1973. 176 p.
13. <http://cm.rpi.edu/pl/people-590/ellen-esrock>
14. Jackson M. Pain: The Science and Culture of Why We Hurt. Toronto: Vintage, 2003. 366 p.
15. King S. Danse Macabre. N. Y.: Berkley, 1983. 440 p.

16. King S. Dreamcatcher. N. Y.: Pocket Books, 2002. 884 p.
 17. King S. Everything's Eventual. N. Y.: Gallery Books, 2007. 464 p.
 18. King S. Four Past Midnight. N. Y.: Penguin Putnam Inc., 1991. 748 p.
 19. King S. Just After Sunset. N. Y.: Pocket Books, 2009. 560 p.
 20. King S. Misery. N. Y.: Viking, 1987. 310 p.
 21. King S. Needful Things. N. Y.: Penguin Books. 1992. 742 p.
 22. King S. Pet Sematary. N. Y.: Penguin Books, 1984. 416 p.
 23. King S. The Dead Zone. N. Y.: Penguin Putnam Inc., 1980. 406 p.
 24. King S. Thinner. N. Y.: Hodder & Stoughton, 2007. 352 p.
 25. Melzack R., Wall P. D. The Challenge of Pain. N. Y.: Penguin Books, 1996. 340 p.

**INDIVIDUAL-IDIOLECTAL VARIABILITY OF INTRA-CORPOREAL SENSATIONS VOCABULARY
(BY THE MATERIAL OF S. KING'S WORKS)**

Nagornaya Aleksandra Viktorovna, Ph. D. in Philology
Moscow State Pedagogical University
alnag@mail.ru

The author considers the problem of the individual vocabulary formation and development of intra-corporeal, or interoceptive, sensations, reveals the content of the notion "interoceptive idiolect", and by the material of S. King's works traces the main ways of interoceptive idiolect development, correlating it with the conventional interoceptive vocabulary suggested by the modern English linguo-culture.

Key words and phrases: interoceptive sensation; experiencer; verbalization; conventional interoceptive vocabulary; idiolect; metaphor.

УДК 811.161.1'373

Филологические науки

Статья нацелена на изучение понятийного компонента структуры концепта «помилование» в канадском варианте английского языка. Для этого с использованием данных толковых, двуязычных и идеографических словарей был определен перечень лексем, которые репрезентируют понятийную часть концепта «помилование» в канадском варианте английского языка. Семантическое наполнение лексем представлено в виде схем, что дает возможность наглядно рассмотреть особенности словарных значений лексем и осуществить анализ словарных дефиниций.

Ключевые слова и фразы: концепт; помилование; понятийный компонент; семантическое наполнение; лексема; языковая репрезентация.

Нудельман Мария Александровна, к. филол. н.
Мичуринский государственный аграрный университет
vintazz@mail.ru

**ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «ПОМИЛОВАНИЕ»
В КАНАДСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА[©]**

Многообразие современных подходов к изучению основного термина когнитивной лингвистики «концепт» обусловило появление большого количества исследований, посвященных его языковой репрезентации. В рамках данного исследования, вслед за С. Г. Воркачёвым, мы понимаем под концептом культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единицу коллективного знания, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой [1, с. 10]. Как известно, каждый концепт характеризуется многокомпонентностью. В составе концепта могут быть выделены ценностный, фактуальный и образный элементы, где именно фактуальный элемент хранится в сознании в вербальной форме и поэтому воспроизводится непосредственно в речи [3, с. 104]. В данной статье мы обратимся к изучению возможностей языковой репрезентации концепта «помилование» в канадском варианте английского языка в виде ряда лексем, которые своей семантикой способны передавать понятийную часть исследуемого концепта [2, с. 185].

К составу английских (канадский вариант) лексем, способных своей семантикой представлять понятийный компонент концепта «помилование», относятся:

1. *pardon, personal pardon, individual pardon;*